Образ И.В. Сталина, характер его личности вызывают и всегда будут вызывать особый интерес. Ныне это находит отражение и в редакционной почте «Правды». Хотя многое о гениальности советского вождя достаточно широко известно, эта тема привлекает большое внимание и вопросы читателей. Мы попросили выступить в сегодняшнем номере автора недавно вышедшей книги «Наш Сталин», которая стала итогом его многолетнего труда.

ОБЩЕПРИЗНАННЫЕ основы интеллекта — память и сопутствующая ей эрудиция. Память у Сталина была необыкновенная.

Например, Д.Ф. Устинов, в годы войны нарком вооружения, вспоминал десятилетия спустя: «Он поимённо знал практически всех руководителей экономики и Вооружённых Сил, вплоть до директоров заводов и командиров дивизий, помнил наиболее существенные данные, характеризующие как их лично, так и положение дел на доверенных им участках».

Это удивительное качество сталинского интеллекта отмечал и маршал И.Х. Баграмян: «Во время обсуждения предложений командующих Верховный был немногословен. Он больше слушал, изредка задавая короткие, точно сформулированные вопросы. У него была идеальная память на цифры, фамилии, названия населённых пунктов, меткие выражения. Сталин был предельно собран, на его лице отражалась сосредоточенная строгость, взгляд чуть прищуренных глаз был всегда пристальным и несколько холодноватым».

Наблюдательный Милован Джилас — югославский политический деятель: «Он обладал выдающейся памятью: безошибочно ориентировался в характерах литературных персонажей и реальных лиц, начисто позабыв порой их имена, помнил массу обстоятельств, не ошибался, комментируя сильные и слабые стороны отдельных государств и государственных деятелей. Часто цеплялся за мелочи, которые позже почти всегда оказывались важными. В окружающем мире и в его, Сталина, сознании как бы не существовало ничего, что не могло бы стать важным…»

Но память — это не только дар от роду. Она развивается в ходе напряжённого интеллектуального труда. Маршал Г.К. Жуков пишет, что работал Сталин по 12—15 часов в сутки. Он буквально впитывал в себя информацию, глубоко и всесторонне её осмысливая. В воспоминаниях Георгия Константиновича отмечается: «Читал много и был широко осведомлённым человеком в самых разнообразных областях знаний. Поразительная работоспособность, умение быстро схватывать суть дела позволяли ему просматривать и усваивать за день такое количество самого различного материала, которое было под силу только незаурядному человеку».

В результате такого каждодневного накопления, структурирования и систематизации разнообразной информации Сталин, не имея формально какого-либо высшего образования, был, несомненно, одним из самых разносторонне образованных людей своего времени. Его эрудиция простиралась, кажется, на все известные сферы науки и практики, но прежде всего — на историю. Он отлично понимал: чтобы вести народ в будущее, надо осмыслить его прошлое. История для него — священная книга народа. Он совершенно свободно ориентировался и во всемирной, и в отечественной истории. Даже о фактах древнерусской жизни мог судить на уровне профессионального историка.

Композитор Тихон Хренников рассказывал о своих встречах с вождём на заседаниях Комитета по Сталинским премиям. По его словам, Сталин в первый же раз произвёл на него огромное впечатление прекрасным знанием всего, что там рассматривалось и обсуждалось: «Я помню обсуждение книги по истории, которую предложил на соискание премии академик Греков. Он тогда возглавлял советскую историческую школу. Сталин спрашивает: «Товарищ Греков, а вы читали эту книгу?» Греков краснеет, покрывается потом: «Нет, товарищ Сталин, я, к сожалению, не читал». Сталин: «А я, товарищ Греков, к сожалению, прочитал эту книгу». И он начал подробно, конкретно и очень убедительно анализировать её, приводя по памяти цитаты, перечисляя искажения исторических фактов, допущенные в ней. Седовласый академик стоял весь мокрый от стыда…»

Проникновению его ума в глубины народного духа способствовало также освоение художественной литературы. Он был хорошо знаком с литературной классикой, читал в журналах и многие новинки. По свидетельству знаменитого авиаконструктора С.В. Ильюшина, жившего некоторое время на сталинской даче, прочитывал вождь до 500 страниц за ночь. И это помогало ему отчётливо «чувствовать пульс» современного ему литературного процесса.

Он вёл беседы о литературе с крупнейшими европейскими и советскими писателями. По оценке М. Джиласа, «свободно ориентировался в вопросах истории, классической литературы и, конечно, в текущих событиях». Американский дипломат А. Гарриман писал: «Мне показалось, что Сталин проявил гораздо большую глубину в обсуждении Индии, чем Рузвельт. Мне было интересно, что Сталин осознавал сложности индийского общества. Беседуя с ним, я снова и снова поражался объёму его знаний относительно культур других стран. Для меня это было особенно удивительным, учитывая, что он очень мало путешествовал».

ВСЕ ЭТИ слагаемые интеллекта — прекрасная память, разносторонняя образованность и эрудиция, помноженные на уникальный опыт революционной деятельности, а в дальнейшем — партийного, государственного, военного руководства, сделали его человеком широчайшего кругозора и своеобразной, оригинальной культуры мышления, что находило повседневное проявление в диалогах, которые ему приходилось вести с самыми различными людьми. Собеседников очаровывали и глубина его мысли, и простота её выражения, и изощрённый юмор. Именно такое впечатление вынес из беседы с ним немецкий писатель Лион Фейхтвангер:

«Сталин говорит неприкрашенно и умеет даже сложные мысли выражать просто. Порой он говорит слишком просто, как человек, который привык так формулировать свои мысли, чтобы они стали понятны от Москвы до Владивостока. Возможно, он не обладает остроумием, но ему, несомненно, свойственен юмор; иногда его юмор становится опасным. Он посмеивается время от времени глуховатым, лукавым смешком. Он чувствует себя весьма свободно во многих областях и цитирует по памяти, не подготовившись, имена, даты, факты — всегда точно…

Мы говорили со Сталиным о свободе печати, о демократии и, как я писал выше, об обожествлении его личности. В начале беседы он говорил общими фразами и прибегал к известным шаблонным оборотам партийного лексикона. Позднее я перестал чувствовать в нём партийного руководителя. Он предстал передо мной как индивидуальность. Не всегда соглашаясь со мной, он всё время оставался глубоким, умным, вдумчивым».

Нечто подобное запомнилось и А.А. Громыко: «Что бросалось в глаза при первом взгляде на Сталина? Где бы ни доводилось его видеть, прежде всего обращало на себя внимание, что он человек мысли. Я никогда не замечал, чтобы сказанное им не выражало его определённого отношения к обсуждаемому вопросу. Вводных слов, длинных предложений или ничего не выражающих заявлений он не любил. Его тяготило, если кто-либо говорил многословно и было невозможно уловить мысль, понять, чего же человек хочет. В то же время Сталин мог терпимо, более того, снисходительно относиться к людям, которые из-за своего уровня развития испытывали трудности в том, чтобы чётко сформулировать мысль».

Биение сталинской мысли обладало такой силой, что его ощущали все, кто оказывался в энергетическом поле великой личности. Деловая беседа с ним была серьёзным интеллектуальным испытанием для любого человека. Это хорошо знал тот же Г.К. Жуков: «Свободная манера разговора, способность чётко формулировать мысль, природный аналитический ум, большая эрудиция и редкая память заставляли во время беседы с ним даже очень искушённых и значительных людей внутренне собраться и быть начеку». Джилас отмечал особую «цепкость» сталинского ума, его способность мгновенно «схватывать» все направления и оттенки мысли своих собеседников: «Сталин обладал необычайно чутким и настойчивым умом. Помню, что в его присутствии невозможно было сделать какого-либо замечания или намёка без того, чтобы он тотчас этого не заметил».

Своеобразные индикаторы ума — литературные и ораторские способности. Те и другие оттачивались Сталиным в острейшей идеологической борьбе. Наивно думать, что он, не располагая мощным интеллектом, мог бы одержать верх над такими деятелями, как Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин, или, не обладая ораторским талантом, стал бы народным вождём. «Исполинская», говорил один из его оппонентов, сила сталинского интеллекта проявлялась зримо и ярко как раз в его публичных речах.

Ораторский талант Сталина был глубоко оригинален. Тексты его речей и докладов становились плодом сугубо индивидуального творчества. О том, как он их готовил, можно судить по следующему эпизоду, о котором рассказывал на собрании сотрудников своего института академик Е.С. Варга. По просьбе Сталина он подготовил для его доклада на XVII съезде партии материал о состоянии мировой экономики. Сталин, ознакомившись с ним, позвонил академику, поблагодарил и сказал, что он воспользовался этим материалом для доклада. «Каково же было моё удивление, — вспоминал академик, — когда, прочитав доклад, я увидел, что Сталин использовал только некоторые мои цифры и факты, а всё остальное написал сам».

Его работам был присущ неповторимый литературный стиль — лаконичный, отчётливый и аналитически строгий. Ему всегда удавалось выразить самое главное, причём простыми словами. Не один Г.К. Жуков отмечал, что писал он, как правило, сам от руки; русский язык знал отлично и любил употреблять образные литературные сравнения, примеры, метафоры. По словам М. Джиласа, «его русский словарь был богат, а речь, в которую он вставлял русские пословицы и изречения, живописна и пластична».

На Первом съезде советских писателей Исаак Бабель, сам бывший тончайшим стилистом, говорил под аплодисменты аудитории: «…Я хочу сказать о человеке, который со словом профессионально не соприкасается: посмотрите, как Сталин куёт свою речь, как кованы его немногочисленные слова, какой полны мускулатуры. Я не говорю, что всем нужно писать, как Сталин, но работать, как Сталин, над словом нам надо».

ЯСНОСТЬ и точность выражения мысли, логичность и «прозрачность» композиции, необычайная «ёмкость» фразы — характернейшие особенности публичных выступлений Сталина. Один из участников конференции петроградских большевиков (апрель 1917 года) говорил, что каждая произнесённая Сталиным фраза была острой и разящей и всё сказанное им отличалось точностью формулировок.

Известно, что 16 сентября 1917-го на собрании петроградского актива большевиков Ленин поставил вопрос о восстании. Мнения разошлись. Среди сомневавшихся были Володарский, Шляпников, против — Зиновьев и Каменев. По свидетельству очевидца, Сталин убеждённо и аргументированно поддержал Ленина: «Отчётливо чеканил Сталин, несколькими словами уничтожив жалкую аргументацию скептически настроенных товарищей».

Позднее более обобщённо выражал свои впечатления от сталинских выступлений А.А. Громыко: «Речам Сталина была присуща своеобразная манера. Он брал точностью в формулировании мыслей и, главное, нестандартностью мышления».

Нередко и с большим мастерством пользовался специфическими речевыми средствами. Автор немецкого учебника риторики Х. Леммерман ссылается на Сталина в качестве примера употребления такой синтаксической фигуры, как синекдоха. Гитлер, пишет он,

в начале войны заявил, что будет вести с русскими войну на уничтожение. Рассказывая об этом публике, Сталин в ответ мог бы заявить, предположим: «Нет, это мы уничтожим немцев». Но такие слова и выражения не были характерны для сталинского лексикона. Вместо этого он в докладе 6 ноября 1941 года говорит: «Немецкие захватчики хотят иметь истребительную войну с народами СССР. Что же, если немцы хотят иметь истребительную войну, они её получат».

Не пренебрегал он и ораторскими приёмами, рассчитанными на эмоциональное восприятие слушателей. Рассказывает художник Борис Ефимов, которому довелось услышать Сталина 6 ноября 1942 года на торжественном собрании в Большом театре по случаю очередной Октябрьской годовщины. Вначале Сталин обстоятельно проанализировал международное и внутреннее положение страны. Он «говорил в обычной для него манере — спокойно и неторопливо, своим маловыразительным глуховатым голосом, без малейших ораторских эффектов и патетических восклицаний». Но вот он перешёл к характеристике военной ситуации, отметив при этом, что инициатива на фронте перешла в руки немцев, которые в результате летнего наступления вышли к Сталинграду, на Кубань и на Кавказ.

«Тут он, — продолжает мемуарист, — и заговорил о Втором фронте. Голос его при этом стал резче и, я сказал бы, злее. Эти пять слов — «отсутствие Второго фронта в Европе» — он, продолжая рассматривать военное положение, за несколько минут повторил раз десять, произнося их особенно подчёркнуто и отчётливо, будто методически вбивая один гвоздь за другим. Неторопливо и всесторонне раскрывая эту проблему, он, в частности, привёл точные цифры о количестве германских дивизий, воевавших против России в Первую мировую войну, и о гораздо большем их количестве сейчас.

Сделав небольшую паузу, он отпил воды из стакана, несколько секунд помолчал и продолжал: «Часто спрашивают: а будет ли вообще Второй фронт в Европе?» Сталин снова сделал паузу и снова неторопливо отпил воды. Зал, и до того слушавший докладчика в напряжённой тишине, буквально затаил дыхание.

— Да, будет. Рано или поздно, но будет. И он будет не только потому, что он нужен нам, но и прежде всего потому, что он не менее нужен нашим союзникам, чем нам».

ПОДОБНЫЕ психологические эффекты помогали аудитории оценить важность его мысли. А вот чисто внешнего блеска в его речах действительно не было. Голос его, как

уже говорилось, был негромок, ему мешал кавказский акцент. Да, кажется, абсолютно всё было против его ораторского успеха: ни сколько-нибудь энергичной жестикуляции, ни эмоциональных восклицаний, ни наигранной патетики. Между тем его речи производили неизгладимое впечатление на слушателей. Джилас остроумно заметил: «Сталин говорил тихо, но слышал его весь мир».

Разгадка состоит в том, что словам его была присуща необыкновенная внутренняя энергия, создаваемая глубиной и динамизмом мысли. Академик В.И. Вернадский в дневниковой записи от 14 ноября 1941 года отмечает: «Только вчера днём дошёл до нас текст речи Сталина, произведшей огромное впечатление. Раньше слушали по радио из пятого в десятое. Речь, несомненно, очень умного человека». Великий учёный остро чувствует властную интеллектуальную энергетику сталинских речей. И 28 ноября того же года он записывает: «…Мне вспомнились высказывания И.П. Павлова — помню, несколько раз он возвращался к этой теме. Он определённо считал, что самые редкие и самые сложные структуры мозга — государственных людей Божьей милостью, если так можно выразиться — прирождённых политиков. <…> Особенно ясно для меня становится это, когда в радио слышится его <Сталина> речь: зычный и неприятный кавказский акцент. И при таких предпосылках такая власть над людьми и такое впечатление на людей».

Заметим, что мнение В.И. Вернадского резко контрастирует с распространёнными ныне суждениями, будто простота сталинской речи вела к упрощению им сложных проблем и вытекала из непонимания их глубинной сути. В действительности рассказать просто о сложном — особый дар, присущий редким мыслителям. Простота изложения свидетельствует о ясном понимании сути, а сам процесс упрощения нередко даже способствует углублению понимания. Видный учёный-физик и популяризатор науки А.Б. Мигдал в книге «Поиски истины» утверждает: «Глубокая мысль выигрывает от упрощения». Несомненно, что стремление Сталина к простоте выражения способствовало пониманию глубины проблем широкими массами народа.

В результате действие сталинского интеллекта охватывало миллионы людей, слушавших его речи, читавших его произведения. Краткие, броские и ёмкие лозунги поднимали людей на великие трудовые и ратные подвиги. Разве что-нибудь может быть выше этого критерия эффективности? Его слово было поистине золотым.

Константин Симонов писал: «Он мало говорил, много делал, много встречался по делам с людьми, редко давал интервью, редко выступал и достиг того, что каждое его слово взвешивалось и ценилось не только у нас, но и во всём мире». В дневнике Корнея

Чуковского запись от 26 ноября 1936 года: «Приехал в Ленинград. Вчера слушал в Москве по радио речь Сталина. Это речь на века». Нужны ли ещё какие-то свидетельства невероятной силы его речей?!

И ВСЁ-ТАКИ наиболее ярко и ощутимо энергия его мысли проявлялась в практических делах — в решении экономических, военных, внешнеполитических и других проблем. Жизнь ставила перед ним всё новые задачи, нередко сложнейшие, но он вновь и вновь овладевал нужными знаниями и каждый раз достойно справлялся с новым делом.

Часто его решения были прозрениями, озарениями, не объяснимыми с точки зрения логики. Его разносторонняя одарённость, проницательность мысли и глубина интуиции подчас вызывают изумление. Говоря словами, приписываемыми У. Черчиллю, строгая логичность мышления и глубокая мудрость суждений позволяли ему «находить в трудные минуты пути выхода из самого безнадёжного положения».

Он обладал необыкновенной способностью предвидеть развёртывание сложнейших исторических событий и заранее оценивать отдалённые последствия своих политических решений. Он как бы пронизывал грядущее своим гипнотическим взглядом. Не много других исторических деятелей, которым это «проникающее излучение» интеллекта было бы присуще в такой же мере, как Сталину, или близко к нему. Это редчайший пример в мировой истории.

Он находил взвешенное и точное решение там, где многие оказываются беспомощными и капитулируют перед опасностью. По-видимому, не было ни одной сколько-нибудь крупной политической проблемы, решение которой не было бы им продумано. По словам Шарля де Голля, чехословацкий президент Э. Бенеш после переговоров в Москве характеризовал Сталина как «человека, сдержанного в речах, но твёрдого в намерениях, имеющего в отношении каждой из европейских проблем свою собственную мысль, скрытую, но вполне определённую».

Черчилль в своих мемуарах о Второй мировой войне приводит очень характерный в этом отношении пример. Когда они впервые встретились в августе 1942 года, он изложил «русскому диктатору» секретный план операции «Торч» в Северной Африке. Сталин так быстро схватил суть ранее не знакомой для него проблемы, что это привело Черчилля в истинное восхищение: «Очень немногие из живущих людей могли бы в несколько минут понять соображения, над которыми мы так настойчиво бились на протяжении ряда

месяцев. Он всё это оценил молниеносно».

Уверенно владея необходимой информацией по всем обсуждавшимся вопросам, Сталин был способен буквально на ходу анализировать их и предлагать свои решения. Генерал А. Брук, начальник английского генерального штаба, который имел большой опыт работы с Черчиллем, был поражён тем, как советский руководитель, несмотря на то, что его не сопровождали эксперты, вёл дела: «Ни в одном из своих высказываний Сталин не допустил стратегической ошибки, всегда быстро и безошибочно схватывая особенности ситуации».

Эти достаточно красноречивые свидетельства дополняет ещё один отзыв крупного западного политического деятеля, характеризующий личностные качества Сталина. Премьер-министр Великобритании А. Иден, встречавшийся с ним в годы войны, в бытность министром иностранных дел, вспоминал:

«Сталин изначально произвёл на меня впечатление своим дарованием, и моё мнение не изменилось. Его личность говорила сама за себя, и её оценка не требовала преувеличений. Ему были присущи хорошие естественные манеры, видимо, грузинского происхождения. Я знаю, что он был безжалостен, но уважаю его ум и даже отношусь к нему с симпатией, истоки которой так и не смог до конца себе объяснить. Вероятно, это было следствием прагматизма Сталина. Быстро забывалось, что ты разговариваешь с партийным деятелем… Я всегда встречал в нём собеседника интересного, мрачноватого и строгого, чему часто обязывали обсуждаемые вопросы. Я не знал человека, который бы так владел собой на совещаниях. Сталин был прекрасно осведомлён по всем его касающимся вопросам, предусмотрителен и оперативен… За всем этим, без сомнения, стояла сила».

Допускал ли он ошибки — в теории и на практике? Говорят, не ошибается только тот, кто ничего не делает. Какие-то неизбежные ошибки, надо полагать, делал и он, но, по-видимому, они не имеют отношения к основным направлениям его деятельности, где всё было тщательно им продумано. Во всяком случае, мой опыт изучения его наследия не выявил ни единой ошибки «системного» характера, и у меня нет оснований не доверять заявлению А.А. Зиновьева, который на основе своих научных оценок пришёл к выводу, что все сталинские решения были оптимальны.

ТАКИМ образом, факты и оценки, которыми мы располагаем, позволяют думать, что

сталинский интеллект представлял собой некий редкостный психологический феномен. Это было замечательное соединение логики, глубины мышления и интуиции с превосходной памятью и энциклопедичностью знаний, сочетание способности к мгновенной «расшифровке» смысла той или иной проблемы с умением ясно и точно сформулировать своё отношение к ней. Образуемое тем самым сложное системное качество психических процессов порождало особую потенциальную энергию сталинского интеллекта, придавало ему необыкновенную силу и проницательность, делало его активным, мобильным, действенным.

Это был своего рода гигантский айсберг, который на поверхности событий выступал в виде его сочинений, речей, призывов, лозунгов и политических решений, двигавших мировую историю.

В.А. ТУЕВ, доктор философских наук, профессор.

Город-герой Ленинград.